

Юрий Зеленин

Судьба

Адъютанта

Его

превосходительства

Жизнь замечательных моряков

Юрий Зеленин

**Судьба Адъютанта Его
Превосходительства**

«ИП Каланов»

2021

Зеленин Ю.

Судьба Адыютанта Его Превосходительства / Ю. Зеленин — «ИП Каланов», 2021 — (Жизнь замечательных моряков)

Удивительна судьба героя этой книги Павла Васильевича Макарова. Поэтому и был снят на её основе замечательный фильм «Адыютант Его Превосходительства», читатели старшего поколения помнят, а юным читателям будет повод ознакомиться с одним из шедевров советского кинематографа. От прапорщика на румынском фронте в Русской Императорской армии, до красного агитатора при Севастопольском Ревкоме. От арестованного дроздовцами подозрительного дезертира, до Старшего адыютанта Главкомандующего Добровольческой армии. От беглого арестанта Севастопольской тюрьмы до командира красно-зелёного партизанского отряда, громившего белогвардейцев. От командира Истребительного отряда по борьбе с бандитизмом при ЧК Крыма в 1921 году, до заключённого тюрьмы НКВД в 1937 году. От начальника административного сектора УИТУ при Наркомюсте Крыма в 1932 году, до заместителя ректора по хозяйственной части Крымского Пединститута в 1968 году. И до директора бани в 1970 году... В 1927 году П.В. Макаров издал свои воспоминания о жизни в логове белогвардейцев «Адыютант Май-Маевского». Которая впоследствии была изъята из открытого доступа в библиотеках страны и помещена в спецхран. У Вас, дорогой Читатель будет редкая возможность ознакомиться с главами из этой книги. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

© Зеленин Ю., 2021

© ИП Каланов, 2021

Содержание

Биография Павла Васильевича Макарова	9
Часть первая	14
Из организатора Красной армии в адьютанты белого командарма	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юрий Зеленин Судьба Адъютанта Его Превосходительства

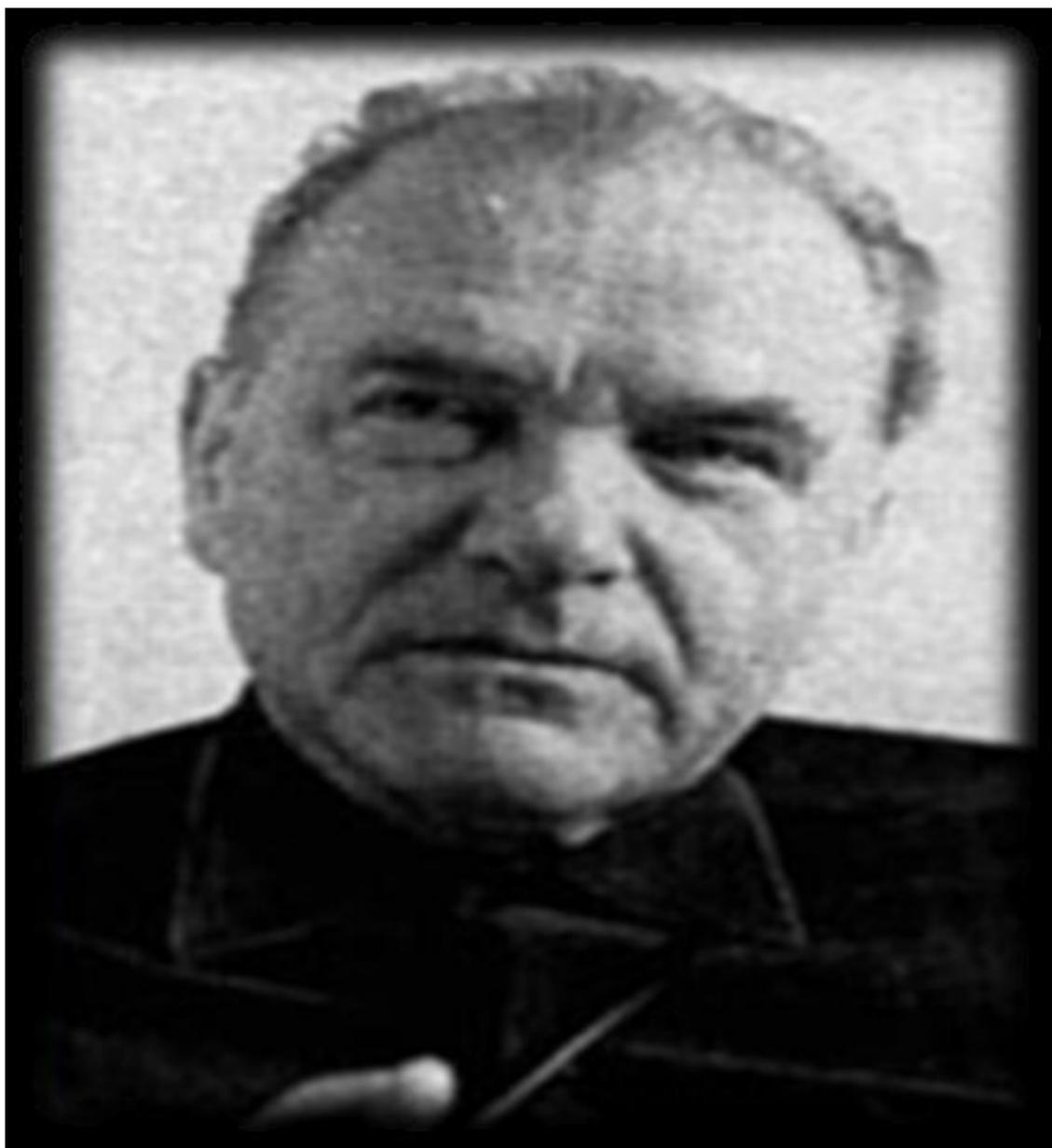
Читатели старшего поколения помнят замечательный фильм «Адъютант Его Превосходительства», а юным читателям будет повод познакомиться с одним из шедевров советского кинематографа.

У фильма была не простая судьба. В 1969 году, когда картина была уже готова, руководство Гостелерадио категорически запретило её к показу. Мол белые генералы показаны, как умные, порядочные люди, не чуждые обычным человеческим чувствам. Такого цензура не могла пропустить и фильм отправили на полку...

Афиша фильма 1970 г.

Там бы фильм и пролежал до перестройки, если бы режиссёр фильма Евгений Ташков (сыгравший в нём роль одного из руководителей советской разведки Мартина Лациса), вместе с директором картины не решились на активные действия. Зная о том, что заместитель председателя КГБ СССР Семён Цвигун человек достаточно либеральный, они решили показать фильм ему лично. Цвигун тогда проходил лечение и фильм повезли ему прямо в Кремлёвскую больницу. Картина ему очень понравилась и главный чекист страны приложил все усилия, чтобы уже в 1970 году фильм вышел на экраны. А в 1971 году опять же благодаря активности КГБ «Аджютант его превосходительства» был удостоен Государственной премии РСФСР. Первый вариант сценария «Аджютанта», по словам режиссёра, «был ужасен и по-графомански написан, поэтому ему пришлось полностью переписать его».

Полковник КГБ Георгий Северский автор сценария фильма.

Он даже не хотел указывать авторов в титрах, но Игорь Болгарин и Георгий Северский «подняли такой шум, закрутили такую интригу, что мне легче было поставить их фамилии в титры, чем вести с ними борьбу». Полковник Г. Л. Северский был одним из руководителей партизанского движения в Крыму. Там он и познакомился с Павлом Макаровым – прототипом главного героя фильма Павлом Макаровым, который ещё в 1927 году написал биографическую книгу «Адъютант Май-Маевского», изъятую впоследствии из открытого доступа в библиотеках страны и помещённую в спецхран, отрывки из которой будут представлены Вашему вниманию.

Биография Павла Васильевича Макарова

Родился он 18 марта 1898 в Скопине, Рязанской губернии, в семье кондуктора Сызрань-Вяземской железной дороги, в 6 лет осиротел, подростком, рабочий, потом, со всей семьей (матушка и два брата) «переехав в Крым, торгует газетами от редакции газеты «Южное слово», но затем меняет работу на кондуктора трамвая». В 1917, окончив 4 класса реального училища, накануне достижения призывного возраста поступил в Тифлисскую школу прапорщиков, которую заканчивает в 1917 году и распределяется на Румынский фронт в составе 5-й роты 134 Феодосийского полка.

Павел Макаров. 20 лет. Адъютант Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Генерального Штаба Ген. – Лейт. Май-Маевского.

После развала фронта в 1917 году, прапорщик Макаров распустил подчиненных и сам покинул окопы. Вернувшись в Крым (в январе 1918 года), он примкнул к большевикам—поступил в большевистские революционные отряды, как и его брат Владимир. Оба работали при Севастопольском ревкоме, а брат Владимир вступил в РКП(б). Весной 1918 Павел Макаров был послан тем же Севастопольским ревкомом на север Крыма и в Северную Таврию,

организовывать и объединять тамошние красные силы, оказался в Мелитополе тогда, когда к нему подходили немцы, а через него проходили на восток дроздовцы – и тут же, на месте вступил в отряд Дроздовского. Каковы были обстоятельства и цель этого вступления – дело темное. Его могли помнить как прапорщика участники дроздовского отряда (и он, и они были с Румфронта) – Выдержка из приказа о назначении Макарова адъютантом Май-Маевского как комкора в февр. с.с. 1919: – "приказ № 27 от 26.02.1919. по 2 Армейскому Корпусу: ... Офицерского генерала Дроздовского полка подпоручик Макаров назначается личным адъютантом командира корпуса с 15.02.1919. (РГВА, ф. 39673 – штаб 2 Армейского корпуса, оп. 1, д. 9, л. 32), Повышение в капитаны ему устроил Май-Маевский летом 1919 г. – как своему адъютанту и доверенному лицу. Макаров в штабс-капитаны был произведен лишь 18 июня 1919 года, а капитаном стал в течение лета.

Генерал Май-Маевский со своим адъютантом П.В. Макаровым.

По просьбе брата, Павел устроил Владимира в ординарцы к Май-Маевскому в сентябре 1919 года. Тогда же, Макарову удалось освободить из лап контрразведки шестерых офицеров уклонявшихся от мобилизации: поручик Сагиров, капитан Дзирныс, подпоручик Левченко, поручик Пестелов, прапорщик Самойленко, капитан Трайно. Сагиров на белой службе в попал в тюрьму по обвинению в большевистской пропаганде, сбежал и сколотил красно-зеленый партизанский отряд, а после победы большевиков стал начальником евпаторийской милиции (а в конце концов – начальником управления исправительно-трудовых лагерей Крыма). Вот он и свидетельствовал позднее перед Советской властью, что Макаров, беседуя с ним накануне освобождения, будто бы сказал ему, что связан с подпольным комитетом большевиков. В середине декабря 1919 г. уволенный в резерв Май-Маевский вместе с Павлом Макаровым прибыл в Севастополь, где уже находился в отпуске Владимир. С этого момента действительно начинается история, подтвержденная крымскими подпольщиками и проверенная Истпартом. Севастопольский Ревком назначил восстание на 23 января 1920 г, но контрразведка флота, работавшая в Севастополе, нашла след большевистского севастопольского заговора: его выдал некий Василий Микалов. В ночь с 20 на 21 января / 2 на 3 февраля 1920 года морская контрразведка арестовала по квартирам севастопольских подпольщиков-большевиков, включая Владимира Макарова. Она была осведомлена о заговоре еще ранее и лишь ждала полной

подготовки к восстанию, чтобы накрыть всех разом. При обыске у брата Владимира в день ареста нашли открытку 1918 года от Павла, в которой тот обнаруживал, что являлся тогда ревкомцем и красногвардейцем, – и вот тут контрразведка изготовилась его брать. Павел Макаров об этом немедленно узнал от жены арестованного Владимира и с утра 21 января с.с. пытался, используя свое положение при Май-Маевском, добиться от него содействия в освобождении брата, будто бы замешанного в дело без основания, но Май-Маевский не сказал ничего определенного. Тем временем в ночь с 21 на 22 января с.с. в Симферополе поднял восстание Николай Орлов. Подавлено это восстание было одними угрозами ровно через сутки, в ночь с 22 на 23 января с.с.: Орлов бросил Симферополь и с небольшим конвоем бежал к Ялте. 23 января 1920 г. в Севастополе при участии лично Май-Маевского Павел Макаров был арестован сухопутной контрразведкой и отправлен в крепость. В тот же день 23 января – Владимира Макарова и его товарищей по заговору судили военным судом. Владимира и еще 8 человек приговорили к расстрелу и казнили, еще одного арестованного по этому делу (некоего Иодловича) оправдали. Павел понимал, что надежды на спасение нет и при помощи невесты М. Удянской через несколько дней он вместе с шестью другими арестованными бежал из тюрьмы, надеясь найти Орлова и присоединиться к нему. Орлова он не нашел, а вскоре сколотил собственный отряд "красно-зеленых" и далее совершал налеты на белых, дожидаясь появления красных. Эта партизанско-разбойничья одиссея Макарова тянулась почти год и завершилась с окончательным приходом большевиков в Крым в ноябре 1920 года (под началом Макарова к тому времени было 280 человек). После этого его назначили командиром Истребительного отряда по борьбе с бандитизмом при Крымском ЧК. Тогда же он вступил и в партию. Верная Мария Удянская вышла за него замуж. В 1921 году П. Макаров пришёл пьяным на чистку партии, за что был уволен из ЧК и исключён из партии. Работал в милиции, а в 1926 г. перешёл на работу в Наркомюст Крыма. Из за пьянства от Макарова в 1928 году ушла жена, из-за наветов «доброжелателей» он был вычеркнут из списков красных партизан и книгу изъяли из открытого доступа в библиотеках. В 1937-м он был арестован вместе со своим младшим братом, Сергеем. Арестовали его 31.01.1937 с формулировкой: ««приняв во внимание, что гр. Макаров Павел Васильевич, 1897 года рождения, уроженец г. Скопин, женат, б/п, быв. капитан белой армии, достаточно изобличается в том, что имел частые поездки в Москву к члену контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра троцкисту Гавелу, был близко связан с троцкистом Ротальским (двоюродный брат Макарова), осужденным по делу убийства т. Кирова, вел троцкистскую пропаганду, рассчитывая на войну, проповедовал переворот Советской власти – ... привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. п. 10 и 11 УК РСФСР». Казалось бы, с такой датой ареста и по такому обвинению пережить 1937/38 нельзя, но нет – под следствием оба брата Макаровы сидели два года и пересидели Большой террор и Ежова. В итоге Сергей умер в тюрьме 29 марта 1939, а Павла на пять дней раньше, 24 марта 1939 года, приговорили за те самые пропаганду и агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, ст. 58–10,11 – но приговорили всего на два года лишения свободы, после чего сразу и освободили, ибо он и так отсидел дольше под следствием. 17 июня 1939 г. «определением судебной коллегии Верховного суда РСФСР Макаров П.В. был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, лжесвидетели и работники госбезопасности были привлечены к ответственности.

Награды П.В. Макарова

В годы ВОВ Павел Васильевич Макаров, вновь становится одним из руководителей партизанской войны в Крыму. Фашисты в отместку за деятельность Павла Макарова в их тылу, расстреляли его мать Татьяну Саввичну, а также повесили родителей и невестку жены Макарова. Павел Васильевич Макаров был награжден орденом Боевого Красного Знамени сразу после эвакуации из Крыма на Кавказ в октябре 1942 года. К концу войны он получил медаль «Партизану Отечественной войны» I степени и в 1967 году Орден Красной Звезды.

Поистине удивительна судьба Павла Макарова. От прапорщика на румынском фронте в Русской Императорской армии, до красного агитатора при Севастопольском Ревкоме, одним из руководителей которого был его брат Владимир. От арестованного дроздовцами подозрительного дезертира, до адъютанта Главнокомандующего Добровольческой армии. От беглого арестанта Севастопольской тюрьмы до командира красно-зелёного партизанского отряда, громившего белогвардейцев. От командира Истребительного отряда по борьбе с бандитизмом при ЧК Крыма в 1921 году, до заключённого тюрьмы НКВД в 1937 году. От начальника административного сектора УИТУ при Наркомюсте Крыма в 1932 году, до заместителя ректора по хозяйственной части Крымского Пединститута в 1968 году. И до директора бани в 1970 году.... Умер П.В. Макаров 16 декабря 1970 года в возрасте 72 лет.

П.В. Макаров в последние годы жизни.

Многие исследователи критично отнеслись к мемуарам П.В. Макарова. В частности, известный украинский публицист Олесь Бузина, на примерах и с цитатами из эмигрантских мемуаров доказывает факт запойного пьянства генерала Май-Маевского и участие в этих оргиях его молодого адьютанта, умеющего добывать закуску и спиртное в условиях жесточайшего дефицита во время Гражданской войны и разрухи. Но перед нами не стоит задача критического разбора мемуаров. Главное – донести до читателя рассказ незаурядного человека, прожившего бурную и полную опасностей жизнь, а сделать выводы читатель сможет и сам.

Часть первая

Из организатора Красной армии в адъютанты белого командарма

В начале 1918 года я и товарищ Цаккер Иван, будучи организаторами и агитаторами Красной армии при Севастопольском Областном Революционном штабе, были командированы в район Евпатории, Перекопа и в Федоровку. Нашей задачей была организация частей Красной армии на местах и втягивание в ее ряды красногвардейских отрядов. Прибыв в Евпаторию, мы написали несколько воззваний к рабочим и крестьянам с призывом идти в ряды Красной армии. Эти воззвания мы отпечатали в одной из типографий города и отправились в уезд. Во многих деревнях провели митинги и разбросали летучки. Агитационная, кампания проходила успешно.

Товарищ Цаккер, неплохой оратор, говорил от имени рабочих, о земле, помещиках, о старом режиме, о том, каким будет новый строй, а я повествовал о бесцельности гибели сотен людей тысяч во время империалистической бойни и о гнусных целях капиталистов, затеявших эту войну. Митинги происходили при большом стечении народа, шумно приветствовавшего нас. После непродолжительных поездок по району мы прибыли вечером в деревню Пришиб. Подойдя к Ревкому, заметили большую суматоху. Какие-то люди, торопясь, клали вещи на стоявшие у Ревкома подводы. Брань, ругань резко нарушали вечернюю тишину. В Ревкоме, в первой комнате, озаряемой тусклым светом керосиновой лампы с закопченным стеклом, мы увидели картину полного опустошения. Вещи были разбросаны в беспорядке, на полу валялись бумажки. Всюду царил хаос. Все это без слов говорило о совершившихся неожиданных событиях. Пока мы разглядывали пустую комнату, до нас долетели слова:

– Товарищи, давайте кончать. Надо торопиться.

Мы вошли в смежную комнату. Там сидело около десяти человек за небольшим столом. Лица были угрюмые, напряженные... При нашем появлении они, точно по команде, все смолкли и устремили пытливый взор на нас. – Здравствуйте, товарищи, – обратились мы к ним, – мы представители Севастопольского Областного Ревштаба. Что здесь происходит?

Председатель (фамилию его не помню), не проверяя наши мандаты, нервно объяснил нам, что наступают немцы и гайдаки, нужно спешно эвакуироваться. Эта неожиданная новость легла на нас тяжелым бременем. Перед нами стал вопрос «что делать?». На отряды Красной гвардии надежды не было. Район, где мы находились, был кулацким. С эвакуацией Ревкома и приближением немцев кулаки могли бы поднять голову. Остаться было опасно. Цаккер предложил поехать на подводе в Бердянск, а оттуда на пароходе в Крым. Я не согласился и, в свою очередь, предложил отправиться к Мелитополю, так как немцы еще неизвестно где и нам всегда удастся проскочить в Крым. Цаккер не согласился, и мы с ним расстались.

Я ехал на подводе. Быстрой рысцой бежала лошаденка, подгоняемая кнутом возчика. На рассвете я прибыл в Мелитополь. Что мне бросилось впервые в глаза, это большие толпы обывателей на перекрестках улиц. Я слез с повозки, расплатился с крестьянином и направился по улице. Выяснилось, что город эвакуирован, в виду приближения немцев, и ночью был бой в районе Акимовки. Я никак не мог понять, кто мог драться на станции Акимовке, тогда как станция находилась южнее Мелитополя. У меня сложилось твердое убеждение, что наши отряды не поладили между собой, в результате чего произошло столкновение. В тот период времени этого можно было ожидать.

С такими мыслями я направился на вокзал, где по улице я был неожиданно захвачен дроздовцами. Помню, меня обступил конный отряд и пехота. Штабс-капитан грозно спросил:

– Кто вы такой? – Колебаться было некогда:

– Штабс-капитан, представленный в капитаны по румынскому фронту.

– Кто командир полка? Какой полк?

Вопросы частили, как из пулемета. Не отставал и я:

– 134 Феодосийский полк. Командир полка Шевердин. Полк стоял по реке Серет.

– Правильно!

Штабс-капитан поверил, рассыпался в любезностях и немедленно зачислил меня в 3-ю роту. Позже я узнал, что фамилия штабс-капитана Туркул.

В городе Бердянке мне, вновь испеченному «дроздовцу», привелось встретиться с т. Цаккером. Трудно объяснить удивление т. Цаккера, еще так недавно знавшего меня как товарища по формированию Красной армии, а теперь увидевшего во мне врага – белогвардейца в форме офицера-дроздовца.

Выслушав историю и цель моего превращения в «дроздовца», т. Цаккер заразился той же идеей и высказал мне свое намерение вступить в отряд Дроздовского выдав себя за поручика. Зная характер т. Цаккера, а в особенности его незнакомство со специфическими особенностями офицерской среды, я отсоветовал ему вступать на этот рискованный путь, грозивший неминуемым провалом. Цаккер согласился, на прощание я ему сказал: – «Мое пребывание у Дроздовского храни в тайне. Обо мне услышишь. Мы еще увидимся... Так мы с ним вторично распрощались».

Офицеры 2-го Дроздовского конного полка Добровольческой армии.

Дроздовский отряд, выйдя из Румынии, именовался авангардом офицерского корпуса генерала Шербачева». Я не знал, что собою представляет этот отряд, пока мы не дошли до станции Мечетинской. Здесь дроздовцев встретил генерал Алексеев, стоявший вместе с Деникиным во главе жалких остатков «Ледяного похода» корниловцев. – Я думал, что мы одни отрезаны от всего мира, – сказал ген. Алексеев в приветственном слове. – Но нет! Где-то далеко, в глухой Румынии, сохранилась от большой армии горсть храбрых русских людей. В них бьется такое же горячее сердце за великую единую Русь. Конечно, целый корпус генерал не

назвал бы «горстью». Позже, по всем действиям дроздовцев, сделалось понятным, что офицерский корпус существует лишь в воображении белых генералов – для поощрения и устрашения жителей. Бежать было бы не так уж трудно, но во мне созрело решение – проникнуть в штаб дроздовцев и связаться с подпольной большевистской организацией. Я удачно воспользовался болезненным состоянием (я, действительно, был тяжело контужен и ранен). К счастью, мне было знакомо шифровальное дело, и полковник Дроздовский прикомандировал меня штабным офицером в шифровально-вербовочный отдел. Штаб стоял в Ставрополе. Сюда прибыл и генерал Май-Маевский. Он прославился редкой храбростью еще в империалистическую войну. Генштабист по образованию, Май-Маевский командовал первым гвардейским корпусом, был награжден Анной, Владимиром, Станиславом I степени, имел золотое оружие и георгиевские кресты 3-й и 4-й степени. В «керенщину» под Тарнополем, Май-Маевский первым вышел из окопов навстречу врагу, увлекая за собой солдат. За это генерал получил солдатского Георгия с веточкой. Убежденный монархист, Май-Маевский был тверд, не любил заниматься интригами. В добровольческую армию вступил на Кубани. Предполагалось, что, по взятии Москвы добровольцами, Май-Маевский получит пост военного и морского министра. Когда полковник Дроздовский выбыл из строя из-за ранения, Деникин назначил Май-Маевского врид начдива. Дроздовцы встретили нового начальника враждебно. Май-Маевский не участвовал в «Ледяном походе», не сражался в рядах Дроздовского.

Генерал Ковалевский в исполнении Владислава Стржельчика, и реальный генерал Май-Маевский.

– Генерал прибыл на готовое и хочет окопаться! – ворчали офицеры. В штабе, не стесняясь, высказывались: – Уж лучше бы назначили Витковского (участника дроздовских походов). Даже солдатский Георгий трактовался как подлизывание к солдатским массам и вызывал насмешки. Я решил использовать настроение офицеров для своих целей. С новым назначением мне угрожал перевод из штаба – сердца белогвардейщины – в строй. Чтобы избежать этого, надо было войти в доверие к новому начдиву. Осторожно, постепенно я начал передавать генералу офицерские «разговорчики». Ясно, что я, не стесняясь, преувеличивал нелестные отзывы. Май-Маевский все охотнее меня выслушивал, обещая: – Спасибо вам! Я вас не забуду!

Штабные офицеры обедали вместе с начдивом. Я использовал и эти часы, много рассказывая о боевой жизни фокшанского и окненского направлений. Часто генерал одобрительно вставлял: – Геройски! Молодцевато! Скоро он начал всячески отличать меня. После смерти полковника Дроздовского, Май-Маевский сделался начдивом. Он сразу вызвал меня в каби-

нет и подробно расспросил о моем происхождении. Пришлось отлить пулю, что мой отец – начальник Сызрано-Вяземской железной дороги, что у Скопина расположено наше большое имение. Совсем неожиданно для меня Май-Маевский спросил:

– Хотите быть моим личным адъютантом? Я скромно ответил:

Удостоверение Адъютанта Командующего ВС Добровольческой Армии.

– Ваше превосходительство, я польщен вашим вниманием, но ведь есть участники корниловского похода... Май-Маевский перебил – Я имею право назначить кого мне угодно. Вы будете моим адъютантом. Сегодня я отдам в приказе.

На другой день я приступил к исполнению своих новых обязанностей. А вскоре генерал Май-Маевский принял корпус и армию, и я сделался адъютантом командарма.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ВОПРОС УЛАЖЕН КАК НЕЛЬЗЯ ЛУЧШЕ

Адъютантская работа не представляла для меня ничего сложного. Я лишь боялся, что меня выдаст малограмотность. Май-Маевский часто диктовал мне приказы и распоряжения. Иногда он брал у меня из рук лист, качал головой и укоризненно восклицал: – Капитан! Почему вы так безграмотно пишете?! Будьте же внимательнее! Я довольно несвязно ссылаясь на тяжелую жизнь и контузию. Однажды в приказании начальнику штаба я написал «сурьёзно». Начальник штаба генерал Ефимов старательно переписал «у» на «ю».

– «Сюрёзно!» – прочитал удивленно Май-Маевский, – А кто же так поправил? – поинтересовался он смеясь, – Начальник штаба, ваше превосходительство. И, воспользовавшись удобным случаем, «обелил» свою малограмотность: – Ваше превосходительство! Я полагаю, мне простительно. Имение разграблено, все время на фронте. Не до книг и культуры. Генерал Ефимов и тот делает ошибки! После этого случая Май-Маевский примирился с моей «грамматикой».

Отныне у меня была одна забота – связаться с подпольной большевистской организацией.

ВЫРУЧАЛИ АКСЕЛЬБАНТЫ

Часто пробегала дрожь от мысли «вдруг сорвется». Ведь приходилось лавировать среди высшей аристократии: князей, графов и родовитого дворянства. Я не умел «вращаться в свете», но «вращаться» приходилось.

Мне приходилось усваивать элементарные понятия вежливости, учиться целовать дамам ручки, расшаркиваться, щелкать шпорами и раскланиваться соответственно чинам, званиям и положениям. Очень многие «блистательные орлы» не раз у меня спрашивали, не являюсь ли я родственником адмирала Макарова, погибшего на «Петропавловске», на что я, как бы неохотно, отвечал: «Да, какой-то дальний родственник». И сразу же менял тему разговора. Вообще при разговорах я был сдержан, больше молчал и слушал, что говорят другие. Мое пребывание у генерала Май-Маевского дало мне много жизненного опыта, там я увидел прогнившее нутро буржуазно-дворянской аристократии. Я наблюдал, как холопски преклонялись перед позолоченной мишурой и высоким положением. Как прыгали графы, князья, генералы и вся аристократия перед диктатором Май-Маевским. Они боялись не только его, но и меня, близко стоящего к нему. Со мною однажды был такой случай: прохожу я по Сумской улице в Харькове, вдруг окликает какой-то генерал: – Прапорщик, почему вы не отдаете честь? Я остановился и проговорил назидательным тоном: – Прежде всего я не прапорщик, разрешите доложить, я – капитан, вас я не заметил, ваше превосходительство.

Генерал повышенным тоном буркнул:

– Солдатская отговорка, следуйте за мной в комендатуру.

Я предложил генералу: – Ваше превосходительство, зачем нам идти пешком, прошу поехать. Генерал недоуменно оглядывался по сторонам, бурча: – Как поехать, на чем поехать? Я крикнул: – Поручик, дайте машину!

Я всегда ездил на машине; если мне приходилось идти пешком, машина шла всюду за мной. Каково было удивление генерала, когда он увидел лучшую машину «Паккард» с двумя флагами: добровольческим и георгиевским.

Автомобиль Главкома В.С.Ю.Р. генерал А.И. Деникин.

Генерал растерялся и в присутствии публики смущенно пробормотал:

– Позвольте, капитан, это машина командующего войсками.

– Да, а я старший и личный адъютант командующего. Пожалуйста, садитесь. Поручик открыл дверцу автомобиля, а генерал пролепетал:

– Нет, нет, господин капитан, прошу извинить, здесь недоразумение.

Подобный же случай был в Ростове.

Май-Маевский приказал передать пакет генералу Витковскому и вызвать его на три часа дня к себе в кабинет. Витковский находился в Московской гостинице и телефон почему-то не работал. Я сел на машину и поехал к нему. Поднимаясь по лестнице, я на площадке встретил шикарного гвардейского полковника в кругу трех дам, любезно с ним разговаривавших. Я прошел мимо и вслед услышал грозный оклик: – Па-аррручик. А ч-честь забыли отдать?! Не обращая внимания, я продолжал подниматься по ступенькам. Полковник вышел из себя и решил блеснуть властью перед дамами: – Я вам приказываю остановиться! Я ответил: – Полковник, я сейчас вернусь, и тогда мы объяснимся, – и направился в номер Витковского.

Выйдя от генерала, я увидел раскрасневшегося полковника, с пеной у рта, который злобно закричал: – Поручик, безобразие, я вам покажу! Я подошел, дамы окидывали меня презрительными взглядами. Я снова сказал:

– Полковник, в чем дело? Он перебил меня:

– Я вам не полковник, а господин полковник, и надо стать как полагается! Я хладнокровно заявил:

– Прежде всего я не поручик, а капитан. Вы любезничали с дамами, а я был занят оперативным делом и по занимаемой должности имею право вас назвать просто полковник, без добавления господин. Я – старший и личный адъютант командующего войсками добрармии генерала Май Маевского.

Куда девались его гонор, гордая осанка. Глаза полковника расплылись виноватой улыбкой, и он невыносимо слащавым голосом начал оправдываться: – Я вас не знаю. Конечно, по занимаемой должности вы должны быть на месте полковника генерального штаба. И я вполне вас понимаю, что вы прибыли к генералу Витковскому по оперативному делу. Я прошу извинения. Разрешите представиться и познакомьтесь, пожалуйста, с дамами. Все улыбнулись. Я поздоровался с ними и снисходительно улыбнулся. – Простите, господа, я занят. До свидания.

Таких случаев было много. Все заискивали и боялись меня.

Лишь один генерал – командир Корниловской бригады оказался более стойким, но только на первый раз. Однажды он «подтянул» меня за упущение. Узнав, что я адъютант командующего войсками, сказал: «Тем более вы должны в корне пресекать разгильдяйство, вводить дисциплину, а вы допустили, чтобы солдаты на ваших глазах дебоширили».

Пришлось «kozyрять» и извиняться. Мы с ним разошлись.

Но я не забыл этого генерала. В связи с приездом английского представителя генерала Брикса Корниловская бригада выстроилась на Николаевской площади, окруженная тесным кольцом буржуазии, в ожидании приезда генерала Май-Маевского. Май-Маевский подъехал на автомобиле и направился вдоль фронта выстроенных войск. Я шел в двух шагах справа от Май-Маевского. Поравнявшись с тем генералом, который меня «тянул», я сделал шаг вперед к Май-Маевскому и, нагнувшись, сказал: – Ваше превосходительство, обратите внимание на образцовую стойку.

Смотр 2-го Корниловского полка в Харькове.

Май-Маевский, по обыкновению, в таких случаях бросал пытливый, пронизывающий взгляд. Едва он посмотрел на генерала, я остановился, окинул этого служаку надменным взглядом и пошел за генералом. Прибыл Брикс на банкет. Ко мне подсел тот самый генерал, который «тянул» меня, и со словами: «Господин капитан, простите меня, вы на меня не сердитесь. Давайте с вами выпьем на брудершафт, – заключим мир». Не малую выдержку мне пришлось проявить по отношению к богатым и знатым невестам. Их было очень много и все они благосклонно относились ко мне. Я поражался, как люди могут унижаться перед блеском и положением. Во время парада по случаю прибытия Май-Маевского в Харьков, буржуазия нас буквально засыпала цветами. Целая вереница фотографов, кино-операторов, тянулась хвостом за командармом.

По окончании парада, ко мне подошел городской голова Харькова: «Господин капитан, мои дочери просили вас уделить им внимание. Хоть бы 5—10 минут», – добавил он умоляюще. Я сослался на неотложную работу и уехал с Май-Маевским. Всю дорогу я мысленно смеялся над чудачком.

Некоторые профессора любезно дарили мне свои научные произведения с надписью «от автора». Да, аксельбанты адыютанта действовали магически. Подхалимничали не только перед «самим», но и перед адыютантом.

БЕЛЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

Штаб ген. Май-Маевского находился в сердце Донбасса— в Юзовке. Генерал старался удержать в своей власти угольный район и, не считая средств и жертв, вырывал с корнем, как он выражался, «пролетарский дух». За малейшую симпатию к советской власти людей расстреливали и вешали. Контрразведка раскинула густую сеть по всей территории, занятой Добармией. Горнопромышленники, вернувшиеся к своим заводам и шахтам, особенно кровожадно издевались над рабочими. Под угрозой смертной казни, за ничтожные гроши их заставляли работать с утра до поздней ночи в шахтах, на заводах и на транспорте. Отказ работать рассматривался Май-Маевским как призыв к восстанию; участь таких несчастных решала пуля или петля.

На кровавом фоне белогвардейщины вырисовывалась грузная, высокая фигура генерала Май-Маевского. Он сидел в кабинете и смотрел из окна на горизонт, откуда доносился гул

орудийной канонады. – На пепле развалин строится новая единая, неделимая Россия, – убежденно сказал он, внимательно разглядывая цветные флажки, расположенные кольцеобразно на оперативной карте. Затем отдал распоряжение своему штабу перейти на станцию Криничную. Май-Маевский поставил дело крепко: стоило ему нажать клавиши правления, как под мастерскую игру генерала плясали и правые и левые. Уезжая на ст. Криничную, генерал был спокоен за тыл.

Шли непрерывные бои, железнодорожные станции переходили из рук в руки. У Май-Маевского было немного войск. Но, перебрасывая их с одного участка на другой, генерал вводил в заблуждение красных. Одним и тем же частям белых войск в течение дня приходилось участвовать во многих боях и разных направлениях; для этой цели был хорошо приспособлен подвижной состав транспорта. Такая тактика и удары по узловым станциям были признаны английским и французским командованием выдающейся новостью в стратегии. Май-Маевский в течение недели раз пять выезжал на фронт, поднимая своим присутствием стойкость бойцов. Войска его уважали, называя вторым Кутузовым (фигурой генерал был похож на знаменитого полководца).

Штабной вагон Главкома В.С.Ю.Р. генерала Май-Маевского.

Главную роль в успехе Добрармии играло обилие обмундирования, значительное количество артиллерии, пулеметов, снарядов и патронов, присылаемых союзниками. Конечно, союзники снабжали армию не даром; за один транспорт снарядов они увозили восемь транспортов сырья, к тому же бесконтрольно пользовались нефтяными промыслами. Деникин не только не чинил союзникам препятствий, но даже помогал им грабить народное достояние, так как он всецело зависел от иностранного капитала.

Буржуазная пресса признавала Май-Маевского талантливым полководцем, героически ведущим борьбу. Но как ни старался Май-Маевский через буржуазных писак «Освага» уверить население в том, что белые не монархисты, а борцы за благо родины и народа, – каждый шаг Добрармии вперед вызывал ужас у населения. В занятых местностях назначались прежние губернаторы. Помещики, под крылышком Добрармии, творили всяческие насилия. Со станции Криничной штаб генерала Май-Маевского продвинулся на станцию Иловайскую. Здесь генерал, проделав ряд успешных операций, получил телеграмму из ставки Деникина о выезде его в Иловайское.

Отдав распоряжение приготовиться, Май-Маевский подошел к окну вагона и задумался, глядя в широко расстилавшуюся степь. Ему исполнилось 52 года. На белокурой коротко остриженной голове блестела лысина. Голубые глаза смотрели через пенсне пронизательно и прямо. Вошел князь Адамов, начальник конвоя. Начальником конвоя у генерала Дроздовского состоял князь Мурат. Он был известен среди населения Кубани, Дона и в особенности Юзовки, а также среди войск, как кровожадный палач. От его рассказов дрожь пробегала по телу. Когда попадались пленные, он собственными руками отрезал тесаком уши, вырезал звезды на теле, после чего рубил шашкой. Его зверства вселяли ужас и отвращение, но у Дроздовского он пользовался полным доверием. Когда я спросил Мурата, почему он так озлоблен против большевиков, он мне показал на свой стеклянный глаз, который, якобы, был выколот в бою; с тех пор он стал мстить. Ко мне Мурат относился с недоверием, и я искал способа отделаться от белого инквизитора.

Личный конвой Главкома В.С.Ю.Р.

По принятии Май-Маевским дивизии и назначении меня адыютантом в городе Юзовке, я в первую очередь повел усиленную агитацию против Мурата, наговаривая Май-Маевскому, что этот князь занимается темными делами и старается подорвать авторитет генерала. «Он говорит, ваше превосходительство, что Май-Маевский не соответствует своему назначению, всячески вас ругает среди офицеров, а когда является к вам, лебезит перед вами, выказывая свою преданность, что может подтвердить офицер конвоя Адамов». Май-Маевский, не поверя, приказал отдать в приказе об отстранении князя Мурата, одновременно спросил меня, кого можно назначить на эту должность. Я указал на Адамова, с добавлением, что он тоже князь, какой-то кавказский, «предан вам и боевой офицер». Май-Маевский приказал позвать его. Я, зная хорошо, что Адамов имел личные счеты с Муратом, передал Адамову о предполагающемся его назначении и посоветовал, как нужно держаться перед генералом и что говорить. Адамов явился к Май Маевскому и рассказал ему, где он принимал участие в боях. Май-Маевский расспрашивал Адамова о личности князя Мурата. Адамов указал на ряд случаев грабежей и насилий при Дроздовском; между прочим упомянул Май-Маевскому, что Мурат любит и ценит Дроздовского, а других генералов, в том числе и Май-Маевского, не уважает. Май-Маевский подписал приказ. И палач князь Мурат поехал на передовую, где и сложил свою голову. – Ваше превосходительство, поезд главнокомандующего вышел с последней станции. Генерал глубоко вздохнул и, повернув ко мне крупное лицо, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.